

ЦИФРОВАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ОБЪЕКТИВЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ¹

Е. М. Ильина

Кандидат политических наук, доцент, доцент кафедры политологии юридического факультета БГУ, Минск, Беларусь, IlyinaEM@bsu.by

В статье сквозь призму политологии раскрываются особенности и методологический инструментарий анализа данных о цифровой идентичности.

Ключевые слова: цифровая идентичность; цифровое гражданство; цифровое профилирование; бюрократия системного уровня; социальный scoring; агентное моделирование.

DIGITAL IDENTITY IN THE LENS OF POLITICAL SCIENCE

Е. М. Ильина

*Candidate of Political Science, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Political Science, Faculty of Law, Belarusian State University, Minsk, Belarus,
IlyinaEM@bsu.by*

The article reveals the peculiarities and methodological tools for analyzing data on digital identity through the prism of political science.

Keywords: digital identity; digital citizenship; digital profiling; system-level bureaucracy; social scoring; agent-based modeling.

В условиях цифровой трансформации (далее – ЦТ) стратегически значимым «вопросом личной, общественной и национальной безопасности» [1, с. 214] становится сбор и анализ данных о политической идентичности как совокупности наиболее значимых политических ориентаций, которые определяют политические установки и политическое поведение индивида в цифровом пространстве. В академическом дискурсе укоренилось понятие «цифровая идентичность», которое в русле логики испанского социолога М. Кастельса включает три грани: легитимирующую (регламентация уполномоченными акторами общеобязательных

¹ Данная статья подготовлена в рамках НИР 2.04 «Этнокультурные отношения в контексте социально-политических процессов и политики идентичности» № ГР 20211919 ГПНИ «Общество и гуманитарная безопасность белорусского государства», 2021–2025 гг.

правил использования информационных объектов); проективную (позитивное восприятие социальными группами данных объектов как источников политически значимых ценностей, способных интегрировать общество, к которому они принадлежат); протестную (непринятие ценностного тезауруса или его симулякра, привносимого легитимирующей идентичностью, в форматах открытого протesta и противодействия или в латентной форме искажения и анонимизации) [2, с. 139]. При этом цифровые технологии обладают значительным потенциалом для «кражи идентичности» политиков и лидеров мнений при помощи создания цифровых копий их аккаунтов в социальных сетевых медиа.

В связи с перемещением политической деятельности в интернет-среду феномен цифровой идентичности проявляется в развитии цифрового гражданства [3, с. 90–91], которое интерпретируется в широком смысле «как возможность участвовать в жизни общества онлайн» с акцентом на демократическое политическое участие, экономические интересы, эффективное и регулярное сетевое взаимодействие, понимая под цифровыми гражданами всех интернет-пользователей, часто прибегающих к цифровым технологиям для реализации своих гражданских прав и обязанностей, получения политически значимой информации и экономической выгоды в процессе трудовой деятельности [4, с. 1–2]. В контексте развития цифровой культуры и грамотности, данный феномен отражает «процесс социализации новых поколений под влиянием цифровых технологий» в контексте формирования надпрофессиональных и цифровых компетенций в сфере безопасности, демократии и бизнеса [5, с. 66–67]. В политико-правовой плоскости цифровое гражданство трактуется как «новое качество правосубъектности личности», требующее цифровой идентификации и профилирования, например, через портал государственных электронных услуг или как «гибридный публично-правовой институт», связывающий цифровые и информационные технологии с формами экстерриториального вовлечения и участия граждан, имплементации их прав в различных сферах общества и государства [6, с. 1043–1044].

Сегодня системы цифрового профилирования физических и юридических лиц применяются для управления государственными данными посредством сбора, алгоритмической обработки, анализа и предоставления персональных, в том числе биометрических, сведений, образующих цифровой профиль, с согласия человека или организации по запросу органа власти через соответствующие электронные платформы (реализуемый в России pilotный проект по формированию Национальной системы управления данными и др.) [7, с. 410].

С развитием цифровых технологий по мере автоматизации процессов управления данными трансформируется институт бюрократии, что нашло отражение в концепции бюрократии системного уровня. Как отмечают нидерландские политологи М. Бовенс и С. Зуридис, на смену традиционной «бюрократии уличного уровня» (street-level bureaucracy М. Липски) – государственных служащих, непосредственно взаимодействующих с гражданами «лицом к лицу», и «бюрократии экранного уровня» (screen-level bureaucracy), осуществляющей аналогичные управленические функции, но «всегда через экран компьютера или в его присутствии» (т. н. компьютерно-опосредованная коммуникация и оказание государственных услуг), пришла «бюрократия системного уровня» (system-level bureaucracy) – системные аналитики, разработчики программного обеспечения, аналитики данных, выступающие посредниками/помощниками в процессе взаимодействия граждан с информационными системами (например, автоматизированная система фиксации нарушений правил дорожного движения) [8, с. 175–181]. При этом уличные бюрократы в пределах своих полномочий, например, при распределении ресурсов или наложении санкций, наделены правом действовать по личному усмотрению – дискреционной властью, полная или частичная замена которой цифровыми технологиями именуется в научной литературе «цифровой дискрецией», под которой понимают «применение компьютеризированных процедур и аналитики для влияния или замены человеческих суждений; случаи, когда искусственный интеллект используется для дополнения или автоматизации осуществления административного усмотрения» [Цит. по: 9, с. 47]. В академической среде мнения о влиянии ЦТ на свободу действий бюрократов варьируются от доминирующих предположений об ограничении и сужении дискреционной власти в условиях автоматизации до представлений о сохранении прежнего объема дискреционных полномочий на цифровых рабочих местах.

Также системы цифрового профилирования используются для социального скоринга (от англ. score – оценка) – алгоритмического оценивания и рейтингования индивидуальных и коллективных субъектов на основе социальных характеристик, полученных в результате мониторинга поведенческих онлайн- и онлайн-активностей, позволяющих прогнозировать их поведение (функционирующая в Китае система социального кредита). В частности, данные социологических опросов показывают, что около 80 % китайских граждан демонстрируют весьма высокий уровень доверия к апробированным в Китае управленческим инновациям в сфере социального рейтингования, а также к цифровым практикам сбора и обработки персональной информации, считая их частью повседневной жизни [10, с. 1573]. При этом большая доля россиян до сих пор не опре-

делилась со своим отношением к инициативам правительства по внедрению в государственное управление технологий формирования цифровых профилей и социального грейдирования, а также в значительной степени склонна не доверять государству и особенно частным коммерческим структурам в области управления персональными данными. Около трети российских респондентов считает целесообразным социальный скоринг государственных служащих и субъектов хозяйствования, но видит угрозу своим правам и интересам в случае массового социального ранжирования рядовых граждан [11, с. 74–76].

В современную эпоху изобилия данных благодаря доступности вычислительных мощностей и программного обеспечения для исследования политической идентичности политологи все чаще прибегают к агентному моделированию (agent-based/multi-agent modeling, ABM) – относительно новому направлению в имитационном моделировании политических систем «снизу-вверх» (bottom-up), которое посредством вычислительных экспериментов «если –> то» позволяет максимально правдоподобно воспроизводить поведение, коллективные действия политических акторов и их комплексные интеракции в геометрическом или сетевом пространстве, имитирующем реальное политическое устройство общества; наблюдать, как нелинейные рекурсивные политические процессы на микроуровне порождают явления макроуровня; тестиовать возможные поливариантные политические сценарии развития изучаемых явлений.

К наиболее известным кейсам практического применения агент-ориентированного подхода для сбора и анализа данных о политической идентичности относятся агентные модели тестирования конструктивистской теории политической идентичности профессора политологии Университета Пенсильвании И. Лустика. Например, в ячеистом пространстве модели Лустика [12] агенты-соседи, наделенные совокупностью идентичностей – принадлежностью к разнообразным группам по установленным параметрам (т. н. «репертуар агента»), взаимодействовали друг с другом, исследуя репертуар соседей, при этом, подсчитывался уровень напряжения, проявляющийся в результате числа встреч агентов с различными репертуарами.

Таким образом, в политологической плоскости *цифровая идентичность* представляет собой совокупное осознание, переживание и представление актором своей тождественности политически организованному сетевому сообществу, уникальности и компетентности в сфере цифровых технологий, включающее отношение к себе и другим, к политически значимой информации и интернет-пространству в целом, характеризующееся цифровой грамотностью и целенаправленностью действия, сопро-

вождающееся формированием новых смыслов онлайн- и оффлайн-активности.

Библиографические ссылки

1. Кондаков А. М., Костылева А. А. Цифровая идентичность, цифровая само-идентификация, цифровой профиль: постановка проблемы // Вестн. РУДН. Сер.: Информатизация образования. 2019. Т. 16, № 3. С. 207–218.
2. Удовенко И. П. Идентичность в дискурсах цифровой трансформации // Идентичность: личность, общество, политика. Новые контуры исследовательского поля / Отв. ред. И.С. Семененко / ИМЭМО РАН. М.: Изд-во «Весь Мир», 2023. С.136–145.
3. Ільїна Е. М. Політологіческое измерение цифровой трансформации: от теоретической концептуализации к учебной дисциплине // Весн. Брэсц. ун-та. Сер.1, Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія. 2020. № 2. С. 87–93.
4. Mossberger K., Tolbert C. J., McNeal R. S. Digital Citizenship: The Internet, Society, and Participation. Cambridge: MIT Press, 2008. 240 p.
5. Бродовская Е. В. Цифровые граждане, цифровое гражданство и цифровая гражданственность // Власть. 2019. № 4. С. 65–68.
6. Кравец И. А. Конституционализм и участие в алгоритмическом обществе (российский, сравнительный и международный контекст) // Журнал Сиб. федер. ун-та. Гуманитарные науки. 2024. № 17 (6). С. 1036–1046.
7. Ільїна Е. М. Політика і управління в умовах цифрової трансформації: політологіческий ракурс іскусственного інтелекта // Ars Administrandi (Іскусство управления). 2022. Т. 14, № 3. С. 403–421.
8. Bovens M., Zouridis S. From Street-Level to System-Level Bureaucracies: How Information and Communication Technology is Transforming Administrative Discretion and Constitutional Control // Public Administration Review. 2002. Vol. 62, № 2. P. 174–184.
9. de Boer N., Raaphorst N. Automation and Discretion: Explaining the Effect of Automation on How Street-Level Bureaucrats Enforce // Public Management Review. 2023. Vol. 25, iss. 1. P. 42–62.
10. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media & Society. 2019. Vol. 21, № 7. P. 1565–1593.
11. Рувинский Р. З., Рувинская Е. А., Комарова Т. Д. Общественное восприятие практик цифрового профилирования и социального рейтингования: ситуация в России и Китае // Социодинамика. 2021. № 12. С. 56–76.
12. Lustick I. Agent-based modeling of collective identity: testing constructivist theory // Journal of Artificial Societies and Social Simulation [Electronic resource]. 2000. – № 3 (1). URL: <https://www.jasss.org/3/1/1.html> (date of access: 15.03.2025).